

детскую аудиторию, осваивая неизвестные ранее жанры, так, например, в течение ряда лет он являлся автором передач «Радионяня» и «АБВГДейка», активно воплощая свои творческие и педагогические взгляды на практике.

Соч.: СС: в 10 т. СПб., 1994; Крокодил Гена и его друзья. М., 1986; Девочка-учительница: Пьеса в 2 действиях для театра кукол. М., 1983; Школа клоунов. М., 1983; Если бы я был девчонкой. М., 1983. Лекции профессора Чайникова: Занимательный учебник по радиотехнике. М., 1994; В нашу гавань заходили корабли: песни / сост. Э. Успенский; предисл. В. Берестова. М., 1996.

Лит.: Бондаренко В. Феномен Чебурашки: Заметки о творчестве писателя Э. Успенского // Семья и школа. 1984. № 11. С. 50–51; Невзорова М. Эдуард Успенский: «Я мог бы быть Диснеем»: О творческом пути писателя // Деловые люди. 1991. № 9. С. 72–73; Арзамасцева И. Гарантийный сказочник Эдуард Успенский // Детская лит-ра. 1993. № 1. С. 9–12; Харламова Р. Радио и смех // Детская лит-ра. 1994. № 2. С. 10–12.

Е. И. Колесникова

УСТИНОВ Валентин Алексеевич [20.3. 1938, г. Луга Ленинградской обл.] — поэт.

В 4 месяца потерял мать, оказался в детском доме. С 1952 в Ленинграде, учился в ремесленном училище, работал на Балтийском судостроительном заводе, служил в армии, работал в многотиражной газ.

В. А. Устинов

«Балтиец» и в Василеостровском райкоме комсомола.

Настоящая лит. деятельность началась в 1965, когда У. становится собкором «Правды Севера» и его стихи появляются на страницах многотиражек «Патриот Севера» и «Балтиец». Первой серьезной публикацией стала большая поэтическая подборка в ж. «Звезда» (1967). Первая книга — «Зеленая песня» (1968) вышла в Северо-Западном книжном изд-ве (Петрозаводск).

С 1969 по 1977 У.— заведующий отделом ж. «Север».

Окончил отделение журналистики филол. ф-та ЛГУ им. А. А. Жданова в 1972 и Высшие лит. курсы в 1979. Член СП СССР с 1972.

С 1977 он живет в Москве. Здесь У. становится сначала заместителем главного редактора ж. «Наш современник», затем — секретарем Московской писательской организации и, наконец, возглавляет изд-во «Московский писатель», а с 1998 возглавляет созданную им Академию поэзии. Ее целью У. считает сохранение и развитие бытия поэтического слова в жизни совр. общества. Для достижения этого вместе с единомышленниками он ведет обширную издательскую программу, устраивает публичные выступления, активно сотрудничает с общественными структурами.

Продолжая традицию русской корневой поэзии, связанную с именами Кольцова, Есенина, П. Васильева и Рубцова, У. стремится отыскивать для своих стихотворных образов новые, свежие краски и оттенки. Он не боится прозвучать неожиданно и готов отказаться от банальных средств выразительности: «В дерн — / по бабки — / летят копыта. / С мокрым чмоканьем — комя вверх! / Мчат залетные по избитой, / мятой шинами, / сталью рытой, / мать-земле — голубой траве... / Не беда, что земли не стало: / все бетон да бензинный чад. / Вон как плиты дробя металлом — / так, что пыль до небес мотало! — / мчатся лошади, / лихо мчат!» («В ночное»).

Поэт обращается к жанру баллады («Баллада о словах любви», 1989, «Баллада об утреннем зароке», 1989, «Баллада про гаданье, гаданье», 1989 и др.), демонстрируя склонность к использованию повествовательных, лиро-эпических форм стиха. Эта особенность его дарования ярко проявилась в поэмах (книга поэм «Большак», 1979; «Вертоград», «Яков Окладников», «Вечная дорога», 1983). Строй его поэм звучит возвышенно и державно, но в то же время несет в себе яркие черты мира сегодняшнего: «Покатилась зима, /

словно вьюга по скользкому насту. / По утрам над мехбазой / клубился сиреневый чад. / Я входил в этот чад, / руки тискал, / подмаргивал: здравствуй! / И курил у ворот / под мазутную дробь пускача...» («Вечная дорога»).

Не останавливаясь на достигнутом, поэт ищет более масштабные формы. Так появляется широкое поэтическое полотно, тетралогия «Талан» (1985–88). Это не поэма, не роман в стихах, а скорее комбинация из различных поэтических текстов, синтетично и органично спаянных в единое полноформатное целое. И здесь находится место как для сугубо индивидуальных, интимных переживаний лирического героя, так и для отражения поступательного движения времени. Эти линии существуют в неразрывном диалектическом единстве, когда индивидуальное любовное чувство приобретает значение космической мистерии, а детали исторического прошлого звучат интимно, словно под сурдинку.

И. Шевелева, парадоксально назвавшая У. «русским Карлосом Кастанедой», утверждает: «Поэтически Валентин Устинов изначально пребывает в параллельных мирах, в живом русском одиночестве их. И ему вдома щель между мирами... Поэтически прекрасная сила творческих деяний... — тоже магическое знание. И в этом смысле его поэзия — „учение“. Жизнь для поэта — вдохновенное движение пространств и веков, влекущая смертельная игра с судьбой...» (Шевелева И. — С. 4–5).

В тексте тетралогии встречаются то детали детства и молодости героя, то разнообразные реминисценции (Джордано Бруно, Даниэль Дефо, лорд Байрон, «Пир» Платона), то элементы славянской мифологии и демонологии: берегини, купавны, русалки: «В ее тяжелых лядвиях, как мышьяк, / теснилось лоно — побуждая к ласкам... / Но в жестких завитках шуршал камыш / и скользко пахло рыбою и ряской. / Ее глаза еще текли в мои, / еще ресницы темный зов таили, / но два сомненья — два клыка змеи — / вошли в меня и душу раздвоили» («Талан»). Порой в стилистике У. угадываются следы разнообразных влияний (Ю. Кузнецов и др.), которые автор, впрочем, успешно преодолевал и находил самостоятельную дорогу.

Проза У. достаточно традиционна, верна сказовой манере, несколько иллюстративна, но в лучших произведениях (например, в повести «Сирти», посвященной таинственной истории из жизни заполярных моряков и их столкновении с северной наядой Сирти) ему удается найти как самостоятельное интона-

ционное решение, так и глубинные мифологические мотивы: «Я сел на рундук, прислонился к металлу рубки. И увидел, что чудо продолжается. Молочная белизна на горизонте как бы редела, истончалась — и вдруг совсем исчезла, и мне в глаза ударили солнечные лучи. Да, глубокой ночью я увидел солнце. Незаходящее. Оно низко катилось над черными овалами дальних сопков, и на него можно было смотреть не моргая...». Мистическая история здесь мягко перекликается с лирическими эпизодами и даже производственным процессом — герои повести заняты нелегким рыбацким трудом.

У. обладает ярким изобразительным языком, ему удаются описания быта и людей Крайнего Севера, природы, он диалектично передает поэтику и трагизм тяжелого каждодневного труда северян. У. — лауреат премии СП СССР по поэзии (1987), премии им. А. Твардовского (1989); награжден орденом Знак Почета (1988), медалью в честь 850-летия Москвы (1997), медалью «Ветеран труда» (1998).

Живет в Москве.

Соч.: Поэзия: Зеленая песня. Вологда, 1968; Талан. Петрозаводск, 1971; Живица. Вологда, 1971; Путина. М.: Современник, 1974. (Новинки «Современника»); Исполать. Петрозаводск, 1975; Братчина. Петрозаводск, 1978; Большак. М., 1979; Ярило. М., 1980; Вертоград. М., 1983. (Российская поэма); Избранное. М., 1984; Окликание звезд. М., 1984; Талан. Трехкнижие. М., 1985; Стихотворения. М., 1987. (Б-ка поэзии «Россия»); Звездная вечеря. М., 1989; Баллады для любимой. М., 1989; Мареву. М., 1998; Сочинения. М., 1998. Проза: Калена стрела венчала. М., 1988.

Лит.: Андреев В. Вечное, как море, ремесло // Наш современник. 1975. № 7. С. 186–187; Галимов М. День творенья... // Север. 1977. С. 112–121; Залещук В. Жизнь, любовь, борьба... // Октябрь. 1980. № 7. С. 220–223; Федоров И. Пробриться сквозь страдания // Север. 1981. № 5. С. 124–128; Иванов Ю. Движение к себе // Лит. обозрение. 1981. № 12. С. 50–52; Винонен Р. Чувство пути. Над страницами современной поэзии. М., 1981. С. 91–102; Чупринин С. Крупным планом. М.: Советский писатель, 1983. С. 234–240; Шевелева И. Как рассказать чувство: Поэтический мир В. Устинова // Лит. учеба. 1983. № 3. С. 126–133; Ильин Д. Мера поэзии — цельность // Лит. Россия. 1984. 19 окт. С. 9; Ивашкин В. Споря с собой // Лит. обозрение. 1985. № 12. С. 52–54; Лысенко В. Обыкновенное в обычном; Пикач А. Обычные необыкновенности // Лит. газ. 1987. № 38; Числов М. Лед и пламя. М.: Современник, 1987. С. 131–138; Шевелева И. Русский Карлос Кастанеда и дон Хуан в одном лице, или Окликающий звезды. М., 2000; Бондаренко В. Дети 1937-го. М., 2001. С. 463–483.

С. М. Казначеев